

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 45 К. И НА СТ. 50 К.
РОЗН. ПРОДАЖЬ ЖЕЛ. ДОР.

306H
1917H
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 35

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

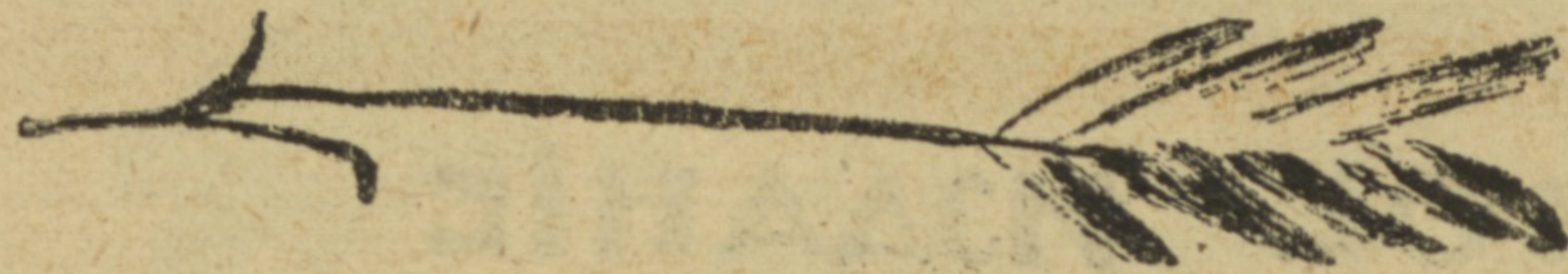
СЕНТЯБРЬ.

Рис. А. Радакова.

ПОКУПАЕТЪ МИНИСТЕРСКІЙ ПОРТФЕЛЬ..

Приказчикъ: — Вотъ-сь, возьмите этотъ — замѣчательный! Года на три хватитъ. Сносу не будетъ!
— Да зачѣмъ же мнѣ такой? Мнѣ такъ, чтобы дня на четыре хватило.

БЕЗЪ ОБВИНЯЕМЫХЪ.

(Процессъ Сухомлиновыхъ.)

На процессъ Сухомлинова создается впечатлѣніе, что весь процессъ организованъ какимъ-то очень неопытнымъ человѣкомъ. Присяжные засѣдатели есть, конвойные есть, судьи на мѣстѣ, репортеры сидятъ, судебные пристава ходятъ — и только забыли о двухъ людяхъ: Сухомлиновѣ и Сухомлиновой.

Рѣдкій процессъ, гдѣ во время засѣданія прокуроръ безнадежно ищетъ обвиняемаго, чтобы обвинить, а защитники, чтобы защитить. И не находятъ.

Если бы супруги Сухомлиновы были поэнергичнѣе, они объявили бы демобилизацію защитниковъ, распустили ихъ по домамъ и стали бы защищаться сами.

— Скажите, подсудимый, вотъ тутъ одинъ свидѣтель говоритъ, что вы велѣли скрыть крѣпости, имѣющія боевое значеніе. Правда, это?

— Чистѣйшая.

— Какъ же вы это?

— А такъ, взялъ и скрылъ. Показалось, что такъ лучше будетъ. Балластъ только одинъ — войну затягиваетъ. А вы бы не скрыли, господинъ предсѣдатель?

— Если бы я думалъ, что...

— Я и думалъ. А можетъ быть случайно. Не помню ужъ сейчасъ точно. Не сажай меня на такое мѣсто, если я не понимаю...

— Почему же вы не сказали, что вы не понимаете?

— А кому? Я же военнымъ министромъ былъ...

— А кто васъ посадилъ?

— Тотъ тоже не понималъ.

— Такъ... А зачѣмъ около васъ шпионы были?

— А гдѣ же имъ быть, какъ не около военного министра? Я ужъ было раскисался, хотѣлъ жаловаться военному министру, да вспомнилъ, что это я самъ и есть. Я человѣкъ разсѣянный, удивляюсь еще, что самъ къ нѣмцамъ не ѣздилъ, сами понимаете, присмотра никакого, контроля никакого...

— А деньги вы брали?

— Что же мнѣ мѣста казеннаго не жалко было? Противъ существующаго строя идти? Попробовалъ бы я не взять...

— А вы не замѣчали, что подъ вашимъ руководствомъ все идетъ не такъ, какъ...

— Да замѣчалъ; какъ не замѣчать... А мнѣ и рта раскрыть не давали. Я слово, — а мнѣ орденъ, я другое, — а мнѣ благодарность...

— Сядьте, подсудимый.

— Спасибо, уже шестой мѣсяць...

— Госпожа Сухомлинова! Правда, что вы помогали поданнымъ непріятельскихъ державъ узнавать нѣкоторые планы, которые...

— Предположимъ.

— Знали ли вы, почему они обращаются къ вамъ?

— По лѣности. Лѣнь самимъ было въ кабинетъ зайти.

У насъ все это открыто было.

— Развѣ же это хорошо?

— Не знаю. Я военнымъ министромъ не была.

— Но вы пользовались довѣріемъ...

— Частное дѣло. Не довѣрялъ бы. Я и не знала даже, какъ слѣдуетъ, кто у насъ военный министръ. Только теперь изъ обвинительнаго акта и узнала. Жалко, что такъ поздно.

— Вотъ свидѣтели говорятъ, что вы всѣ дѣла за мужа устраивали.

— Да, разъ это можно было! Я женщина работающая... Распутинъ вотъ — такъ цѣлой страной управлять, а я грамотная, мнѣ простительно...

— А вы съ нѣмецкими агентами разговаривали?

— Толковые люди. Къ намъ же изъ русскихъ толковыхъ людей не допускали...

— Садитесь.

И чувствуется въ голосѣ обвинителя и судей, что хочется имъ подозвать судебного пристава, взять его за бортъ сюртука и шепнуть:

— Вы что же это, батюшка, надѣлали?.. Я вамъ говорю, — обвиняемыхъ приведете, а вы этихъ подсунили...

И кажется, что прибѣгутъ сюда плотники, выстругаютъ и сколотятъ громадную скамью подсудимыхъ, на которую усадятъ всѣхъ, кто породилъ, воспиталъ и охранялъ сухомлиновщину. И недаромъ такъ мало публики на этомъ величайшемъ и серьезнѣйшемъ изъ судебныхъ процессовъ въ Россіи: всѣ знаютъ, что судятъ старый строй, а не Сухомлиновыхъ, а къ суду надъ старымъ строемъ относятся скептически; сами ему въ животъ клинъ вбивали...

А публики мало до такой степени, что когда хотятъ очистить залъ, приставамъ приходится долго ходить по залу и искать, нѣтъ ли гдѣ-нибудь случайнаго, спящаго человѣка. Если же и найдутъ его, — жалко разставаться съ нимъ: вдругъ печать еще скажетъ, что все дѣло при закрытыхъ дверяхъ ведется...

Л. Аркадскій.

К Р Ы С Ы.

Великій Брэмъ въ трудѣ бессонномъ высохъ,
Но свято чтутъ его зоологи-жрецы.
Послушайте, что пишетъ онъ о крысахъ,
Какъ чутко жизнь свою спасаютъ храбрецы.

Когда корабль намѣченъ въ жертву Рокомъ
И волчій аппетитъ вздымаетъ чрево дна —
Милліоны крысы по гаванямъ и докамъ
Въ подвалы прячутся подале отъ судна.

Инстинктъ у крысы помогъ необычайно
Заранѣе узнать коварную судьбу,
И водъ морскихъ незыблемую тайну
Читалъ случайный трусь у бѣженцевъ на лбу.

Фактъ подтвержденъ естественной науки —
И въ наши дни мучительныхъ часовъ
Плыветъ корабль на радость и на муки,
Не сводитъ взгляда смерть съ колеблемыхъ вѣсовъ...

И въ наши дни, корабль покинувъ, люди
Стремглавъ спасаются въ крысиную дыру.
У родины исходятъ кровью груди,
Она, какъ нищенка, питается въ міру...

Они бѣгутъ... На островки, на мысы...
Когда страданіе стучится у воротъ —
Спасаются испуганныя крысы
Среди бушующихъ и опьяненныхъ водъ...

Фрегатъ отмѣченный великимъ годомъ,
Гони къ разсвѣту ночь — покорную рабу...
Пльви, фрегатъ, построенный народомъ,
И въ солнце претвори молчальницу-судьбу!..

Александръ Флитъ.

ДОСКОЙ ПО ГОЛОВЪ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Странное ощущение. Такое ощущение, котораго никто и никогда въ жизни еще не переживалъ.

Вотъ я сегодня, 27 августа 1917 года, сижу у себя (Петроградъ, Троицкая, 15) за письменнымъ столомъ и пишу этотъ фельетонъ.

Для чего я его пишу?

Для того, чтобы мои читатели прочли его.

А прочтутъ ли они его?

Представьте себѣ, что вы написали письмо, въ которомъ въ глубокихъ, сильныхъ и прочувствованныхъ выраженіяхъ выразили всѣ свои стремленія и ощущенія, излили лучшія сокровища своей души.

Написали вы это письмо, вложили въ конвертъ, а на конвертъ вдругъ взяли да и хватили такой адресъ:

«Пустыня Сахара, юго-восточная часть, поворота направо, третій оазисъ. Передать чернокожему, сидящему подъ пятой съ краю кокосовой пальмой, въ собственныя руки. Весьма спѣшное».

Конечно, все можетъ быть. Возможно, что это письмо и дойдетъ по почтѣ до послѣдняго населеннаго мѣстечка на краю Сахары. Возможно, что тамошній почтмейстеръ упрощитъ начальника арабскаго каравана, идущаго вглубь Сахары, захватить это письмо, возможно, что караванъ пройдетъ именно мимо третьяго юго-восточнаго оазиса... Чѣмъ чортъ не шутить, — возможно, что арабы и найдутъ подъ пятой съ краю кокосовой пальмой искомаго чернокожаго адресата и честно вручатъ ему ваше письмо.

Онъ его даже вскрыетъ... Но что дальше?

Повертитъ его въ своихъ черныхъ, какъ голенище сапога, лапахъ, повертитъ да и броситъ.

Напрасно вы начинаете свое обращеніе къ нему словами:

«Русскимъ языкомъ я говорю тебѣ, проклятый, темный негръ, и т. д.»

Именно русскаго языка проклятый, темный негръ и не понимаетъ.

И вотъ — письмо, въ которое вы вложили лучшія сокровища вашей души, будетъ брошено въ далекой знойной дикой Африкѣ на берегу прозрачнаго ручья, и тяжелой мозолистой ногой верблюда будетъ оно — этотъ нѣжный ростокъ вашего сердца, — втоптанъ въ сыпучій могильный песокъ пустыни.

Зная это, стали ли бы вы писать вышеупомянутому чернокожему пламенное письмо?

Сомнѣваюсь.

А вотъ я пишу.

Не говорите мнѣ, что нѣтъ аналогіи между сахарскимъ чернокожимъ и нашими русскими бѣлокожими, — это одно и то же.

Я вамъ тысячу разъ буду повторять: «Русскимъ языкомъ я тебѣ, анаема, говорю» — это бесплодно.

Именно русскій языкъ и перестали понимать въ этой жуткой аравійской пустынѣ.

Даже вотъ это: зачѣмъ я вамъ пишу?

Какъ гадательно, чтобы начальникъ арабскаго каравана взялся передать ваше письмо проблематичному негру, такъ гадательно и то, что до васъ, до негровъ, дойдутъ и мои слова.

Развѣ я могу за что-нибудь поручиться? Вотъ сегодня, 27 августа я сижу спокойно у себя на Троицкой, а можетъ быть, черезъ двѣ недѣли, когда долженъ бы появиться въ Петроградѣ мой фельетонъ, это уже будетъ не Троицкая, а какое-нибудь Дрейштрассе, и отъ моего журнала останутся нѣсколько разнесенныхъ по вѣтру обрывковъ бумаги да куча безформенныхъ обломковъ типографскихъ машинъ.

Вы скажете:

— Съ ума ты сошелъ! Это не можетъ такъ скоро случиться!

Въ Россіи-то? Ого-го. Сколько угодно.

Ну, не нѣмцы придутъ. Вынырнутъ большевики и, улучивъ удобную минуту, перерѣжутъ насъ всѣхъ.

Чортъ васъ знаетъ, готтентотовъ, чего отъ васъ ожидать?!

Оцѣните же мое мужество и терпѣніе: зная, что мой фельетонъ, эти строки моего сердца — пойдутъ черезъ невѣрныя руки начальника верблюжьяго каравана въ неизвѣстный оазисъ, гдѣ подъ неизвѣстнымъ деревомъ его прочтетъ неизвѣстный дикарь, — я все-таки пишу. Пишу!

Отчаяніе, безнадежность свѣтитъ въ моемъ взглядѣ, а я все-таки пишу...

Дойдетъ ли?

* * *

О чемъ же вамъ написать?

Я могъ бы написать, что довольно мы уже говорили, что довольно словъ — пора приступить къ дѣлу, но вѣдь это, вотъ это самое мое воззваніе, — вѣдь оно тоже слова.

Господи, дай намъ уйти отъ этого ужаса, отъ этого потока словъ.

И вотъ это мое воззваніе къ Господу Богу, — вѣдь это тоже слова!

Будьте же вы прокляты, слова!

Керенскій въ отчаяніи восклицалъ на московскомъ совѣщаніи:

— Гдѣ же найти мнѣ тѣ огненные, тѣ настоящія слова, которыя дошли бы до сердца, до ума русскаго народа.

Не будьте ребенкомъ, Александръ Федоровичъ — такихъ словъ нѣтъ.

Я бы хотѣлъ писать свои фельетоны такъ: взять хорошо обструганную доску длиною въ аршинъ и взять фунтъ вершковыхъ гвоздей... вмѣсто пера взять въ руку молотокъ и вбить эти гвозди въ доску — погуце къ центру, порѣже къ окраинамъ.

Вотъ мой фельетонъ, вотъ мои слова.

Изготовленный такимъ образомъ мой фельетонъ разсылается каждому читателю въ двухъ экземплярахъ... Способъ чтенія: на одинъ экземпляръ посадить читателя, другимъ бить по головѣ читателя до тѣхъ поръ, пока онъ не проникнется со всѣхъ сторонъ идеями моего фельетона и не пойметъ, что ему нельзя сидѣть бесплодно на мѣстѣ...

«Работать!»

Вотъ одно словцо, которое бы я написалъ на всѣхъ зданіяхъ, на всѣхъ стѣнахъ и фронтонахъ, перекинулъ бы вдоль улицъ бѣлая полотнища съ этимъ чернымъ будничнымъ словомъ:

— Работайте!

Я бы ловилъ толкущихся на улицахъ людей и желѣзнымъ тавромъ выжигалъ бы у нихъ на лбу одно слово:

— Работайте!

Вотъ ужъ дѣйствительно подлинно русское — не циммервальдовское слово — такое простое, понятное даже для чернокожаго, такое общедоступное:

— Работайте!

Иногда глаза мои открываются, какъ у пророка, и я подлинно вижу, что Россія — страна безумцевъ и идіотовъ.

Подумайте: полгода революціи, — и отмѣненъ ли хоть одинъ церковный праздникъ?!

Ихъ было пожалуй 20 за это время, — всѣ эти Срѣтенія, Усѣкновенія и Преображенія.

Пришло кому-нибудь въ голову отмѣнить ихъ?

Удивительная вещь: русскій народъ со времени революціи сталъ такимъ безбожникомъ, такимъ атеистомъ, что со Святыми Дарами на версту къ нему не подходитъ, а подвернется ему какое-нибудь Срѣтеніе или Введеніе во Храмъ, — да вѣдь онъ зубами въ этотъ праздникъ вцѣпится:

— Стопъ! Праздникъ! Не работаю.

И вы думаете, если бы онъ работалъ, онъ осквернилъ бы святой праздникъ своей работой? Врете, мытари, подлецы и лицемѣры! Онъ освятитъ бы этотъ праздникъ святой работой.

А что онъ теперь дѣлаетъ въ праздникъ? Пьянствуетъ, лущитъ сѣмечки и, шатаясь по митингамъ, какъ губка, впитываетъ совѣты о лучшемъ и самомъ выгодномъ способѣ распродажи Россіи...

20 праздниковъ за полгода.

Идіоты, слѣпые! Умѣете ли вы считать?!

Пусть на 200 милліоновъ населенія, работаетъ всего 50, пусть каждый дѣлаетъ работы по нынѣшнимъ цѣнамъ на 5 рублей, — ито-

Рис. Миссъ.

{Рис. А. Гадакова.

— Смотри, цѣлыхъ пять минутъ на одной ногѣ!

— Пустяки... Я видѣлъ одну женщину, которая восемь часовъ въ хлѣбной очереди простояла — посчитай-ка, сколько на каждую ногу приходится...

го каждый праздникъ сѣдаетъ четверть миллиарда рублей абсолютныхъ цѣнностей!! Двадцать праздниковъ за полгода, — пять миллиардовъ.

Идиоты, трижды идиоты! Вѣдь вы совершенно бесплодно, прямо псу подъ хвостъ вышвыриваете въ годъ десять миллиардовъ.

Русскимъ языкомъ вамъ надо говорить?

Нѣтъ, негры русскаго языка не понимаютъ.

Хочется отбросить ко всѣмъ чертямъ безсильное маленькое перо и завывать въ горѣ и ужасѣ:

— Почему это перо не доска, утыканная гвоздями, доска, которой можно прошибить ваши каменные, налитыя свинцомъ головы?!!

* * *

Ну, вотъ... прочли вы этотъ мой фельетонъ...

А что отъ этого измѣнится?..

Слова!

Аркадiй Аверченко.

СТРОЧКИ ВСКОЛЬЗЪ.

I.

По поводу сезонныхъ ухсодовъ.

Дорогіе племянники,
Съ точки зрѣнья ботаники:
«Даже скверный уходъ —
Суть приходъ»;
Садовода спросите-ка...
И... чихните на нѣтика,
Что не видитъ тамъ прибыли,
Гдѣ она внѣ сомнѣнія,
И кудахчетъ о гибели,
Полоша населеніе!

II.

Боюсь, что Вильгельмъ...

...И, наступивъ стопой желѣзной
На тѣло родины моей,
Онъ скажетъ арміи любезной:
«Учись не быть подобной ей!
Въ царяхъ имъ видѣлось несчастье,
Свобода, думали, спасетъ...
Но... вотъ плоды народовластья!
Вотъ, что свобода имъ несетъ!»

III.

Храбрецы.

Пахнетъ въ воздухѣ Седаномъ:
Новый натискъ, и... шабашъ!
Но предъ вражьиъ «чемоданомъ»
Не блѣднѣетъ Питеръ нашъ
И, на страхъ врагамъ неожиданнымъ,
Свой готовитъ... саквояжъ!

В. Кн.

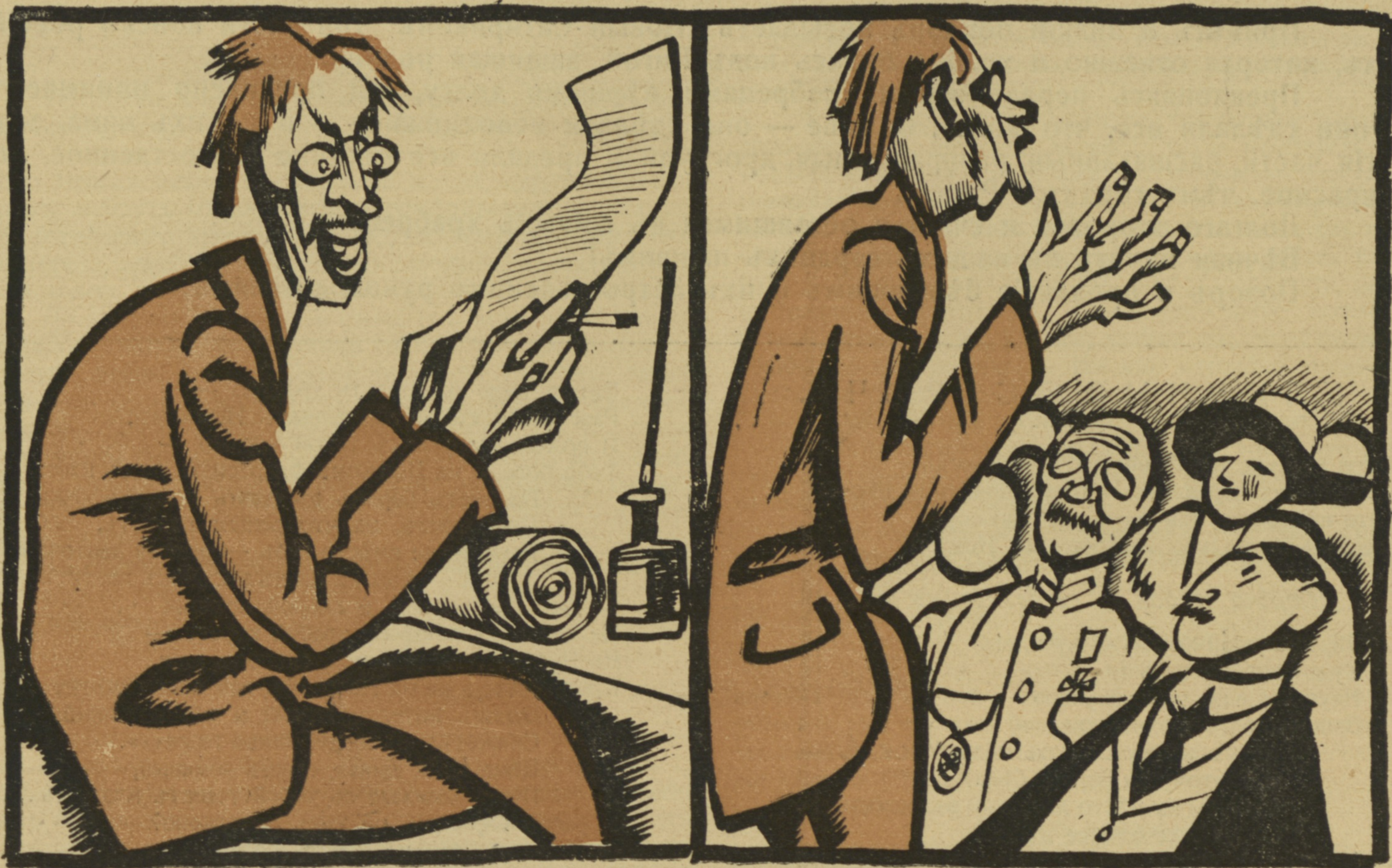
Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА
Аркадiя Аверченко
„Подходцевъ и двое другихъ“
повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

О Н Ъ Б О Р Е Т С Я .

„Въ крупныхъ центрахъ на выборахъ прошли большевики, благодаря полному отсутствию интеллигенціи“.

(Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

За мѣсяцъ до выборовъ мирный обыватель начинаетъ писать громовыя статьи противъ большевиковъ.

За недѣлю до выборовъ онъ выступаетъ предъ толпамъ и произноситъ зажигательныя рѣчи противъ большевизма.

Наканунѣ выборовъ расклеиваетъ по стѣнамъ и заборахъ плакаты: не голосуйте за большевиковъ!

Но въ день выборовъ онъ самъ не идетъ выбирать, а мирно отдыхаетъ отъ трудовъ праведныхъ: безъ меня кого надо выберутъ.

И проходятъ большевики.

РИЖСКИМЪ ВОЙСКАМЪ.

Привѣтъ и низкій поклонъ посылаетъ „Новый Сатириконъ“ той части войскъ російскихъ, которая отважно и храбро билась подъ Ригой, защищая родину.

Преклоняясь передъ этими храбрецами, вѣрными долгу, мы прекрасно понимаемъ, что они сдѣлали все, что могли, больше — они сдѣлали невозможное — и не ихъ вина, если другія части, расшатанныя, развращенныя, дрогнули и предали все истинно мужественное, все прекрасное, чѣмъ гордится Россія.

Долгаго здоровья и счастья оставшимся въ живыхъ храбрецамъ:

Вѣчная память въ нашихъ сердцахъ павшимъ!

Позоръ и проклятіе бѣжавшимъ и ихъ петроградскимъ руководителямъ.

УЛИЧНЫЯ ВСТРѢЧИ.

Когда воздуха послѣдній футъ кубическій
Никотиномъ отравленъ — развѣ поводъ не вѣскій —
Уйти на голубой погулять, электрическій
Всегда карнавалъ настроенный Невскій?

Встрѣча первая — съ безногимъ нищимъ.

Эй, послушай-ка ты, — чучело!
Куда запропастиль ноги?
Неужели еще не наскучило
Зашарканныя нюхать дороги?
Не съ кошкой ли ты молоко лакаль —
Не потому ли борода бѣла?
Тебя бы на мѣсто языка — въ колоколь,
Самое подходящее дѣло...

На вытянутыхъ рукахъ привыкъ, поди,
Качать голодное брюхо?
Гляди, только въ набатъ не выпади —
Вцѣпись въ колокольное ухо.
Искровянишь о бока мѣдныя,
Вотъ: братцы — несчастье,
Сами спасайтесь — бѣдныя —
Не надѣйтесь на пожарныя части!

Встрѣча вторая съ влюбленнымъ горбункомъ

Ну и встрѣчи — вередъ на вередѣ!..
Тоже жаветь вогъ и труситъ смерти:
Сзади — горбать, горбать спереди,
А въ рукахъ письмо въ голубомъ конвертѣ.
Какъ опустить его — вотъ оказія —
Не достать, конечно, вопросъ — яшень...
И въ самомъ дѣлѣ — не безобразіе?
Чтобы ящички-то пониже вершковъ на семь?

Ждетъ — поджидаетъ письма красавица,
День за днемъ въ ожиданьяхъ тащить,
Смотри, пріятель, ей-ей — состарится
Покуда тиснешь конвертъ въ ящикъ...
А ножки-то у милой — по два пудика,
А все прочее, что полагается, тоже отлично,
Хочется приласкать ей своего верблюдика,
Чѣмъ писать, съѣздить бы лично?..

Время хорошо провели бы вы,
Въ домъ Народный пошли погулять бы,
Разумѣется съ милой не рыбы вы,
Но терпѣнье, терпѣнье — до свадьбы!..
Все до поры до времени,
А тамъ будетъ — спокойнѣй,
И разрѣшится твоя любовь отъ бремени,
Горбыхъ ребятишекъ двойней...

Встрѣча третья — день рожденія проститутки.

На всяческое поповъ угожденіе,
Тому, кто сердцу поэта дорогъ —
Здравствуй, Маруся, съ днемъ рожденія,
Наконецъ-то брякнуло — сорокъ...
Торопливой жизни не привелось ладью
Затормозить пудомъ рисовой пудры,
Не опорчайся, милочка, наплевать, что съ про-
сѣдью —
Зато глаза полинявшие — мудры...

Читаю твою рѣшимость твердую —
Разстаться съ великолѣпнымъ Невскимъ;
И правда, Маруся, съ такой мордой —
Тебѣ больше на Невскомъ флиртовать не съ кѣмъ...
Надѣнетъ баринъ въ одинъ моментъ очки,
Посмотритъ, за что деньги платитъ,
И увидитъ: вмѣсто губъ — рванья ленточки,
А носа — едва на одинъ насморкъ хватить...
Только посмотришь и скорой помощи
Не медля по телефону требуи карету —
Въ Чубаровомъ, душечка, слѣпомъ ищи
Кавалеровъ, а не на Невскомъ, гдѣ много свѣту...
Баринъ интеллигентный и образованный,
Скажетъ: «Господи, какая гадость».
Цѣна тебѣ, милая, грошъ ломанный,
Пусть ломовые съ тобой тѣшатъ младость...
И развѣ бариномъ не такъ разсуждено?
Совѣта лучшаго не подать брату...
Если любовь, то кому жъ она
Нужна болѣе чѣмъ демократу?..
Такъ используй, Маруся, случай критическій
И, хотя къ сороковому году
Стань широко демократической
И служи простому народу...

Шель я по улицамъ, камни кричали городу,
Фонарь за фонаремъ въ сумеркахъ ожиль,
Дождь надъ панелями мокрую развѣсилъ бороду,
Сразу улицу на два помножилъ...

Обернулъ тротуары въ черное зеркало,
Заставилъ трубы водосточныя прополаскивать горла,
Глядя, какъ мостовая дробила и коверкала
Отраженныхъ огней синія сверла...

Валентинъ Горянскій.

ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИИ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Настоящій очеркъ составленъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ и горячо рекомендуется, какъ руководство для офицеровъ генеральнаго штаба, командировъ отдѣльныхъ частей, такъ и въ качествѣ настольной книги для высшаго команднаго состава.

Развѣдка передъ боемъ.

Вставъ лагеремъ или занявъ окопы, воинская часть должна выслать сторожевой дозоръ и произвести развѣдку. Для этого должны быть заготовлены партійныя записки съ именами кандидатовъ въ развѣдчики. Партія, получившая большее количество голосовъ, и высылаетъ развѣдчиковъ, при чемъ предпочтеніе, конечно, отдается теоретикамъ партіи, находящимся въ столицѣ. Если мѣстные окопные кандидаты не получаютъ абсолютнаго большинства голосовъ, развѣдка состояться не можетъ.

Лучше, если всѣ партійныя организациі въ полуротѣ вступятъ въ блокъ; этимъ достигается быстрота дѣйствій, и начавшіеся въ августѣ выборы, позволятъ къ половинѣ сентября развѣдкѣ приступить къ работѣ.

На обязанности развѣдчиковъ лежитъ выискиваніе расположенія непріятели, переговоры съ нимъ о сепаратномъ

миръ и подача сигналовъ къ отступленію при нахожденіи непріятели въблизи.

Вернувшіеся въ свои части развѣдчики, не пожелавшіе прямо уѣхать домой, награждаются знаками боевыхъ отличій.

Приготовление къ бою.

Потребное для этого количество начальствующихъ лицъ опредѣляется величиной части. Такъ, для наименьшей единицы — взвода — необходимы: командиръ его, членъ Временнаго Правительства, командующій арміей, окружной интендантъ, делегатъ отъ культурно-просвѣтительныхъ организацій ближайшаго крупнаго города, предсѣдатель управы того же города, армейскій комитетъ въ дежурномъ составѣ и военный агентъ одной изъ союзныхъ державъ.

По командѣ: «Смирно!» одинъ изъ делегатовъ, или командующій арміей, въ краткихъ словахъ выясняетъ цѣли настоящей войны, экономическое положеніе Германіи, активную роль французскаго флота и задачи обороны мѣстныхъ позицій. Послѣ этого фельдфебель приступаетъ къ списку очередныхъ ораторовъ. По командѣ: «ружья къ но-о-ги-и!» взводъ голосуетъ формулу довѣрія къ командному составу, выслушиваетъ докладъ военнаго агента союзниковъ и занимаетъ окопы.

Въ случаѣ обнаруженія несолидарности взвода съ оборонческими теченіями въ социализмъ, окопъ занимаетъ другимъ взводомъ.

Бой.

а) Стрѣльба.

Стрѣльба должна вестись предпочтительно по направленію къ врагу. Сепаратныхъ оружейныхъ перестрѣлокъ съ сосѣдней частью на почвѣ вчерашнихъ разногласій по выборамъ въ Учредительное Собраніе лучше не допускать, такъ какъ это затрудняетъ отступление, — такъ сказать, центр современнаго боя. Первоначально удобнѣе всего отдавать приказъ открыть стрѣльбу тѣмъ солдатамъ, которые обучались въ тылу больше четырехъ дней и у которыхъ уже прошло опасливое отношеніе къ собственному ружью. Шестидесятитрехлѣтніе ратники и досрочные одиннадцати лѣтъ, посланные послѣ сорокаминутной подготовки въ глубокомъ тылу, рѣдко даютъ значительный процентъ попаданія.

Слѣдуетъ указать передъ стрѣльбой, что лица, пожелавшія ликвидировать свои отношенія къ войнѣ и готовящаяся внезапно покинуть театръ военныхъ дѣйствій, благоволятъ винтовки оставлять въ окопахъ, такъ какъ въ пути, особенно въ вагонахъ международнаго общества, оружіе только стѣсняетъ.

При артиллерійской стрѣльбѣ не должно обращать вниманія на возможность отвѣтнаго обстрѣла врага. Въ бою это частое явленіе.

Для того, чтобы воодушевить оружейную прислугу, командиръ батареи долженъ, выпустивъ изъ орудія снарядъ, бѣжать за нимъ и, добѣжавъ до мѣста взрыва, вернуться съ громкими и радостными криками, хлопая въ ладоши: «Попалъ, попалъ!»

На безпечныхъ жителей юга и Сибири это дѣйствуетъ ободряюще, и они не сразу прекращаютъ стрѣльбу.

б) Атака.

Присутствіе передъ атакой комиссара необходимо. Не исключается необходимость и присутствія представителей тыловыхъ организацій по топливу и разгрузкѣ столицы.

По командѣ желающіе берутъ ружье на руку и согласно обрацаемой къ нимъ просьбѣ готовятся къ атакѣ — взводъ выслушиваетъ резолюцію послѣдняго обще-фронтнаго съѣзда объ активной оборонѣ и поправки къ ней пріѣзжихъ делегатовъ, затѣмъ выбѣгаетъ изъ окопа, голосуя на бѣгу приостановленіе атаки, или ея продолженіе.

Добѣжавъ до непріятельскихъ окоповъ, взводъ быстро останавливается и доканчиваетъ пренія по докладу объ активныхъ выступленіяхъ въ крупныхъ городахъ и допустимости забастовокъ и локаутовъ.

Подоседавшій въ это время непріятельскій парламентаръ ласково сообщаетъ взводу подробности о политическихъ теченіяхъ въ нѣмецкомъ окопѣ.

Если оказывается, что тамъ преобладаетъ реакціонная группа, стоящая за миръ съ аннексіями, взводъ бросается въ штыки, и происходитъ самая атака.

Срочно выбранный делегатъ отдѣляется для поисковъ помощи у ближайшей воинской части, настроенной отрицательно къ нѣмцамъ.

в) Отступление.

Отступление начинается съ самыхъ разнообразныхъ командъ; иногда для этого требуется команда: «Шагомъ а-аршъ!» — иногда сигналомъ можетъ служить простое: «Ружья на плечо!» Это одна изъ задачъ современнаго боя, которую провести легче всего. При отступленіи не требуется ни команднаго состава, ни комиссара, ни делегатовъ отъ тыловыхъ организацій.

Лучше, конечно, организовать отступление заранѣе, не дожидаясь боя, или того момента, когда непріятель будетъ видимъ; идеальная организація отступленія — это по телеграммамъ изъ газетъ, въ которыхъ точно говорится о планахъ противника. Такъ уже въ августѣ, прочитавъ о томъ, что за зимнюю кампанію врагъ собирается занять такой-то городъ, войска, охраняющія его, могутъ отступать, не боясь насѣдающаго противника. Предпочтительнѣе, конечно, не путать фронтовъ, такъ какъ, узнавъ изъ итальянскаго сообщенія о наступленіи на Изонцо, отступать отъ Пскова слишкомъ преждевременно.

Отступление ведется спиной къ непріятелю.

Теоретики стратегии настаиваютъ на томъ, что при отступленіи попытки пѣхоты перегнать кавалерію чрезвычайно гибельны и недопустимы.

Штабъ слѣдитъ за отступленіемъ, при чемъ старается избѣгать официальныхъ сообщеній о гибели арміи и массовомъ бѣгствѣ, замѣтивъ одного дезертира, проползающаго по линии желѣзной дороги.

Очень скверно такъ же отражаются на психології населенія и арміи, если о полкѣ, который потерялъ весь свой составъ при защитѣ позицій, будетъ оповѣщено, что онъ убѣжалъ изъ окоповъ въ Сызрань. Даже, если этотъ полкъ числился неблагонадежнымъ, т. е. былъ противъ возвращенія стараго строя.

Подвозъ резервовъ.

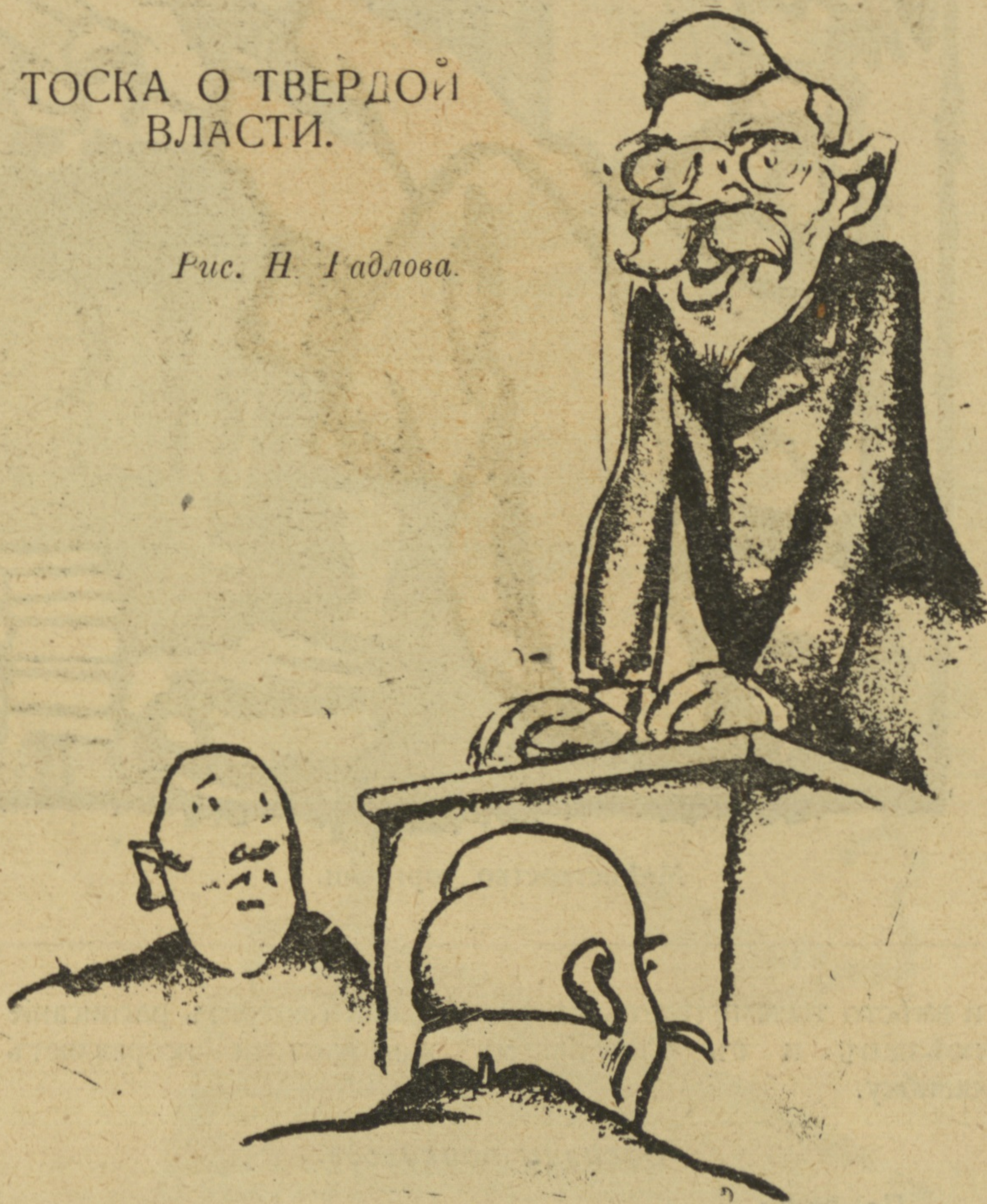
Резервами называются списки солдатъ маршевыхъ ротъ, ротные значки и канцелярія, привозимые на фронтъ изъ тыла и сдаваемые командному составу случайнымъ спутникомъ маршевой роты по поѣзду.

По командѣ: «Смирно!» эти списки уничтожаются и предпринимаются срочные поиски маршевой роты между Гатчиной и Иркутскомъ.

Въ случаѣ, если маршевая рота ошибется направленіемъ

ТОСКА О ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ.

Рис. Н. Гадлова.

— Господа! Нами правятъ никому неизвѣстные люди! Кто ихъ знаетъ?! Поэтому я предлагаю избрать диктаторомъ бывшаго Елабужскаго станового пристава Егора Васильевича Сенявихина — его и я знаю, и Никодимъ Семеновичъ знаетъ, да и тетущка Марья Осиповна не откажется.

Министерство труда.

Министерство внутреннихъ дѣлъ.

Министерство торговли.

Министерство почтъ и телеграфовъ.

и вмѣсто тыла прїѣдетъ на фронтъ, она смотритъ расписание поѣздовъ и въ ближайшемъ же времени исправляетъ ошибку.

Образцы приказовъ.

По арміи.

«Солдатики! Вчера мной было замѣчено, что многіе изъ васъ охотнѣе атакуютъ полевую кухню, чѣмъ нѣмецкіе окопы. Властью, данной мнѣ Правительствомъ, объявляю вамъ: если я еще разъ замѣчу такое явленіе, я подаю въ отставку».

По взводу.

«Царизмъ палъ. И вотъ черныя крылья капитализма распростерлись надъ міромъ и затмеваютъ зарю новой жизни. Требую, чтобы были къ завтрашнему дню почищены пуговицы и починена одежда».

Денщику:

«Сорокъ вѣковъ смотрятъ на тебя съ этихъ пирамидъ! Апри тебя хоть делужь! Пойди, пожалуйста, товарищъ, и купи мнѣ лимонъ!»

Арк. Буховъ.

и. Ренг

1) В. А. Сухомлиновъ. — Какъ видите, лицо не особенно умное не только для военного министра міровой державы, а и для начальника станціи Ириновской жел. дор. 2) Онъ же — въ профиль. Какъ видите, несмотря ни на какіе повороты, смыслъ лица не измѣняется. 3) Защитникъ Захаринъ. — Орель; но какъ всякій орель, защищающій макрую курицу — смѣшонъ. 4) Оберъ-прокуроръ Носовичъ.

Это орель настоящій, не смѣшной. Когтитъ свою жертву проворно, ловко и цѣпко. 5) Мадамъ Сухомлинова. — Фигура значительнѣе своего мужа-размазни. По нагуръ игрокъ. На биржѣ интересовалась Манташевскими. Хотя мужъ ея и занималь постъ, но для нея этотъ постъ былъ сплошнымъ мясоѣдомъ. За это и поплатилась.

ИВАШКА И РУСЬ.

Сидимъ вдвоемъ. Съ тобою мнѣ не тяжело,
И я тихонько радостно смѣюсь.
Я — твой, я — твой блаженненькій Ивашка,
Ты — мать моя, моя старушка Русь.
Ты говоришь, ты жалуешься снова
На горечь злую тягостныхъ обидъ,
На то, что жизнь жестока и сурова.
А тамъ — въ поляхъ степной закатъ горитъ.
Все степь, да степь... Проѣзжая дорога
Да деревушка... Избы и дымокъ...
Ахъ, какъ все бѣдно, скорбно и убого:
Жилье и степь и даль глухихъ дорогъ.
Мы встрѣтились въ осеннемъ мертвомъ полѣ,
Гдѣ смерть, тоска и жуткая печаль.
Ты говоришь... Мнѣ жаль тебя до боли
И жаль себя и жизни, жизни жаль.
— Прости меня, мой бѣдный, мой хороший...
— Униженъ я, поруганъ, какъ и ты,
Изнемогаемъ мы подъ непосильной ношей
Насмѣшекъ злыхъ, попрековъ, клеветы.
Ты всхлинула. Тебѣ, я знаю, тяжело.
И плачемъ мы — бродяжки, старички...
— Прости и ты! Я — глупый, я — Ивашка,
Старушка Русь, мы оба дурачки!

Юрій Zubовскій.

ПОСЛОВИЦЫ КСТАТИ.

1. *Даль о братаніи.*

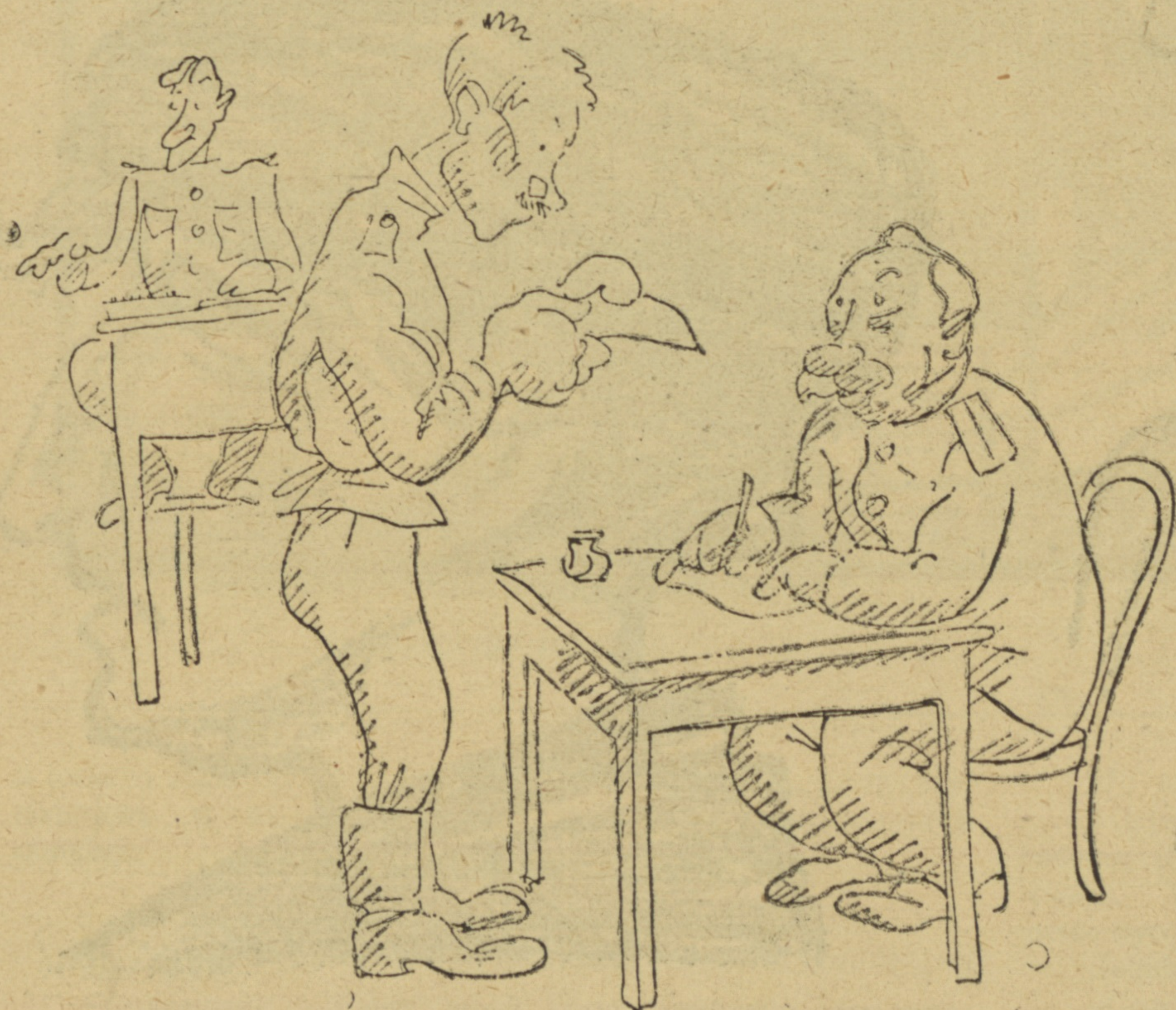
- * Съ кѣмъ побратался, отъ того и понабрался.
- * Братанье, что катанье: не знаешь, куда заѣдешь.

2. *О правдѣ.*

— «Велика святорусская земля, а правдѣ нигдѣ нѣтъ мѣста!» — горестно воскликнулъ большевикъ послѣ долгихъ и бесплодныхъ поисковъ типографіи.
И добавилъ:
— «Елозамъ житье, а правдѣ — вытье».

ПРОСТАЯ ДУША.

Рис. Н. Радлова.

— Да ты говори мнѣ толкомъ: ты корниловецъ, калединецъ или временноуправителецъ.
— Никакъ нѣтъ: мы тамбовцы, дерягинской волости...

И закончилъ, провожая единомышленниковъ къ мѣсту заключенія.

— «Правда къ Петру и Павлу ушла, а кривда по землѣ пошла!»

Джо.

ПОРТРЕТЪ.

Въ каждой крестьянской избѣ, въ томъ самомъ углу, гдѣ раньше висѣли образа, — нынѣ укрѣпленъ изящно выполненный «по способу глубокой печати» хромо-литографированный портретъ министра Чернова, изданный товариществомъ «Скорпионъ и Трезубецъ».

Богобоязненные поселяне возжигали неупаемый огонь передъ вышеозначеннымъ портретомъ; молодыя красивыя пейзажи украшали хромо-литографию незабудками и васильками; а крестьянскіе ребята, всѣ цѣликомъ записанные въ партію эсъ-эровъ, приносили къ портрету свои лучшіе дары: пойманныхъ ящерицъ, сѣмечки и окурки.

Портретъ министра Чернова, озаренный восковой свѣчей, мягко сіялъ въ смрадномъ полумракѣ, наполняя сердца поселянь теплой вѣрой и пріятной надеждой.

Раннимъ утромъ, когда солнце выбрасывало на трудовую землю сверкающіе лучи живительнаго тепла, поселяне преклоняли колѣна передъ портретомъ и тихо шептали:

— Добрый Черновъ! Пошли намъ миръ, дождикъ и землю.

Портретъ ухмылялся.

* * *

На деревенскихъ улицахъ, у завалинокъ, на пашнѣ, на сѣнокосѣ кроткіе поселяне славили имя Чернова и воздавали хвалу эсъ-эровской партіи.

— Такъ вотъ, значить, всю землю получимъ.

— Конечно!

— Примѣрно, такъ я полагаю, — что какъ раньше была помѣщица Анна Савельевна Пирятинская, такъ теперь буду я, — и никакихъ гвоздей.

— Вѣрно!

... Въ каждой крестьянской семьѣ по вечерамъ обсуждали аграрную реформу и строили сладостные планы. Поселяне знали, что портретъ не обманетъ, портретъ дастъ землю, и все будетъ хорошо. Поселяне отлично знали, что земли получатъ они много, не десятину и не двѣ, и не три, — а десятки и сотни, и заживутъ безпечальными помѣщиками.

Старый дѣдъ мечталъ о хорошемъ большомъ прудѣ, въ которомъ такъ легко и спокойно ловить карасей; отецъ семейства рисовалъ себѣ необозримыя пространства яровой ржи; женская часть избы мечтала о хорошемъ двухъ-этажномъ домѣ, какъ у помѣщицы Анны Савельевны Пирятинской; а молодежь спорила о томъ, что лучше завести, хорошую ли тройку, или удивительную блестящую повозку безъ лошадей, на которой въ прошломъ году проѣзжалъ губернаторъ.

Семья мечтала, а портретъ улыбался.

* * *

Когда въ деревню пришелъ на побывку солдатъ, — существо грамотное, — поселяне повели его къ портрету Чернова. Солдатъ взялъ карандашъ и бумагу, вынулъ изъ голенища какую-то затрепанную книжицу, написалъ какую-то одну цифру, раздѣлил ее на другую и торжественно заявилъ, что на каждого человѣка придется меньше десятины.

Поселяне долго били солдата, называли его «провокалъ». Портретъ мягко улыбался.

* * *

«Изъ Тамбовской губерніи намъ сообщаютъ, что мѣстные крестьяне на сходахъ вынесли постановленіе упразднить чествованіе Серафима Саровскаго и причислить, вмѣсто него, къ лику святыхъ министра земледѣлія Чернова».

«Глухонѣмой старикъ, изорвавшій портретъ Чернова, преданъ суду по обвиненію въ кощунствѣ».

«По случаю праздника мѣстныхъ мусульманъ, городской мулла произнесъ въ мечети страстную проповѣдь, закончивъ ее словами: «Селямъ-алейкумъ эъ-эровской партіи! Селямъ-алейкумъ главному шейху ея Эль-Чернову!»

(Изъ газетъ.)

Трудолюбивые поселяне собирались по вечерамъ и вычисляли, сколько сотенъ десятинъ придется на каждую душу.

— Добрый Черновъ! — молились они, — дай намъ скорый миръ, многія лѣта и землю!

Портретъ ласково жмурился.

Бор. Мирскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Вильгельмъ-милиционеръ.

Есть самые разнообразныя способы политической борьбы. Многие изъ политическихъ конкурентовъ очень охотно оторвали бы у себя собственную голову только для того, чтобы запустить ею въ противника.

Но, когда политическая борьба дѣлается постояннымъ улицей, тогда только начинаешь понимать, что такое разтерженный обыватель и на что онъ способенъ.

Одна газета рассказываетъ, что

въ буфетѣ Гвардейскаго экономическаго общества на Конюшенной ул. неизвѣстная прилично одѣтая дама открыто выражала свою радость по поводу паденія Риги и нашихъ неудачъ на фронтѣ. Многочисленная публика потребовала задержанія неизвѣстной дамы. Въ комиссаріатѣ перваго Казанскаго подрайона задержанная назвалась А. К.—вой, на вопросъ о причинѣ ея неумѣстной радости Кузнецова заявила, что съ приходомъ Вильгельма установится порядокъ и не будетъ никакихъ Вр. Правительствъ и Сов. Раб. и Солд. Деп.

Видѣть въ приходѣ Вильгельма единственное средство для установленія тишины и порядка — это такъ же весело, какъ нарочно заразиться тифомъ только для того, чтобы отказать отъ билета на симфоническій концертъ.

Ахъ, если бы эта женщина была одна... Увы, она одна, но изъ многихъ.

Ужасы продовольствія.

Юмористы, все еще зарабатывающіе деньги на кошкахъ, подаваемыхъ въ ресторанахъ вмѣсто телятины, должны умолкнуть предъ суровой правдой столичнаго быта.

Кирпичъ, который даже послѣ его пробы кажется сливочнымъ масломъ — вотъ предъ чѣмъ должна поблѣднѣть даже кошка подъ телятину.

А ужасная правда такова:

Къ проживающему въ д. 30 по Воскресенской наб. Сикиркову явился неизвѣстный и предложилъ купить 4 пуд. масла Чистякова. С. согласился, выдалъ неизвѣстному 374 руб. и послалъ съ нимъ за масломъ своего служащаго С. Рейко. Въ одномъ изъ домовъ на Моховой ул., въ кладовой, продавецъ выдалъ Рейко ящикъ масла и далъ его попробовать. Во время обратнаго проѣзда домой на извозчикѣ неизвѣстный выскочилъ изъ пролетки и скрылся. Въ ящикѣ же оказались кирпичи, сверху смазанные масломъ.

Это даже трогательно. Если бы современнику показать цензурную икру добраго стараго времени, онъ навѣрное бы такъ обрадовался, что сейчасъ же сталъ бы намазывать ее на хлѣбъ и хвалиться своими продовольственными связями.

Герои.

Съ того момента, когда Петроградъ почувствовалъ возможную опасность нѣмецкаго прихода обыватель обезумѣлъ отъ страха:

На городской станціи желѣзныхъ дорогъ безконечная очередь, съ Конюшенной до Волынкина пер. съ одной стороны и до Морской ул. съ другой, ничуть не уменьшается. Тысячи людей ждутъ очереди записаться билетомъ, чтобы поскорѣе оставить столицу.

Насъ удивляетъ только одно, почему обыватель не пугался въ то время, когда нѣмцы вошли не только въ Петроградъ, но уже заняли всѣ министерства и даже престоль.

Тогда вѣдь еще страшнѣе было...

„Завинтилъ шпонтикъ“.

Единственно, кто совершенно не испугался не только за Петроградъ, но даже и за Псковъ, такъ это поэтъ М. Кузминъ.

Всѣ мы знаемъ, какой сейчасъ августъ въ Псковѣ и что тамъ должно дѣлаться, а М. Кузминъ въ стихотвореніи „Августъ псковскій“ даетъ такую картину:

Веселушки и плакушки
Мостъ копытятъ козами,
А зарѣчныя макушки
Леденцѣютъ розами.
По пестро-рябымъ озерцамъ
Гребенцы наверхены,
Бѣлымъ, чернымъ, сѣрымъ перцемъ —
Лодками наперчено.
Мельницъ мелево у кручи
Сухоруко машется.
На берцы каплетъ съ тучи
Янтарева кашица.
Надорвась, вечерня, шмелемъ
Взвякиваетъ узенько...
Бѣлка снѣдка мелко мелемъ —
Тпруси, тпруси, тпрусенька!..
Завинти, вѣтрило, шпонтикъ, —
Что нибудь получится!
Всколесила желтый зонтикъ
На балконъ поручица.

Кому что, а Кузминимъ одно: тпруси, тпруси, тпрусенька!

Недалеко на этой тпрусенькѣ въ такое время поэты уйдутъ...

Сарынь на кичку.

По нашему, одинаково неприятно для ограбленнаго: очищаль ли его карманы околоточный стараго режима или Исполнительный Комитетъ новаго режима.

Карасю все равно, жарятъ ли его въ сметанѣ или на свѣчномъ салѣ:

Въ г. Лугѣ, по сообщенію „Рѣчи“ о „убликованъ сѣд. „приказъ“

Приказъ № 138.

Постановленіемъ Исполнительнаго Комитета лужскаго гарнизона (?!) отъ 17 іюля с. г. всѣ устраиваемыя въ Лугѣ и уѣздѣ вечера, концерты, балы и т. п. безъ разрѣшенія вышеназваннаго комитета не разрѣшаются, при чемъ, съ валового сбора отъ такихъ увеселеній поступаетъ 20 проц. въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета на нужды революціи“.

Такимъ образомъ, установлена въ гор. Лугѣ и уѣздѣ предварительная цензура афишъ, ибо по типографіямъ сдѣлано распоряженіе, подъ страхомъ закрытія (!) не печатать афишъ, безъ разрѣшенія Совѣта.

До обложенія 20-процентнымъ сборомъ валового дохода не додумались даже сатрапы прошлаго времени...

У Арк. Аверченко есть разсказъ объ околоточномъ, который, беря взятки, говорилъ: „еру на нужды воздухоплавания“...

Нужды ли воздухоплавания, нужды ли революціи — не все ли равно ограбленному лужскому гражданину?

Совралось.

Иногда большевики прыгаютъ настолько странно, что ихъ ловятъ съ поличнымъ и за ушко вытаскиваютъ довольно неделикатно — на солнышко:

Во всѣхъ почти газетахъ 26 августа сообщалось, будто управляющій военнымъ министерствомъ Б. В. Савинковъ въ особомъ докладѣ министру предсѣдателю А. Ф. Керенскому между прочимъ сообщилъ, что „были полки сплошь большевистскіе, которые сражались съ исключительнымъ мужествомъ и потеряли до трехъ четвертей своего состава“...

А черезъ два дня Савинковъ изумленно сообщилъ, что свѣдѣнія о большевистскихъ полкахъ, которые якобы „сражались съ исключительнымъ мужествомъ и потеряли до трехъ четвертей своего состава“, не соответствуютъ дѣйствительности и являются сплошнымъ вымысломъ.

Какой большевикъ привралъ въ газетахъ — такъ и не выяснено.

Впрочемъ, фраза „большевистскіе полки потеряли до трехъ четвертей своего состава“ — можетъ быть понята, какъ угодно.

Ноги, рѣзвая, въ тылу можно грабить сколько угодно — почему и не потерять трехъ четвертей своего состава...

Рис. Миссъ.

— И какъ это все благоустроено теперь, Марья Семеновна. Раньше, бывало, на позицію челоуѣка отправляютъ — три дня сборы, а теперь сѣлъ на трамвай, заплатилъ двугривенный — глядишь уже и къ окопамъ подѣхалъ...

Прыгуны.

Изъ самопризнаній большевистской „Новой Жизни“:

За шесть мѣсяцевъ, судорожными прыжками, мы догнали ушедшіе впередъ народы Европы.

Въ особенности распрыгалась „Новая Жизнь“ . . . совсѣмъ, какъ тотъ сказочный веселый дурень на похоронахъ . . .

Двукопытное.

Въ Одессѣ происходилъ губернской крестьянской сѣздъ.

Одно двуногое, челоуѣкообразное, двукопытное произнесло на этомъ сѣздѣ буквально такую рѣчь:

— Я предлагаю сѣзду на мѣстахъ произвести баллотировку, и каждый, на кого падеть жребій, долженъ убить одного буржуя. Я, — заявляетъ ораторъ, — готовъ даже сейчасъ убить одного буржуя. („Русск. Слово“).

Правда, говорившій это — дуракъ. Но онъ все-таки послѣдовательнѣе и честнѣе своихъ единомышленниковъ изъ „Новой Жизни“ и „Извѣстій“, которыя мямлютъ, топчутся на одномъ мѣстѣ и не рѣшаются высказаться до конца.

Городъ Глуповъ.

Поистинѣ, Петроградъ съ нѣкотораго времени сдѣлался городомъ сплошныхъ дураковъ:

Въ Петроградѣ нѣтъ продовольствія . . . И вотъ, если кто-либо изъ ѣдущихъ въ Петроградъ привозитъ съ собой изъ провинціи пудъ муки или нѣсколько фунтовъ крупы, у него все это отбираютъ послѣ обыска на вокзалѣ.

Поймите, читатель: онъ не вывозитъ изъ голодающаго города продукты, а ввозитъ въ голодающій городъ продукты, облегчая тѣмъ положеніе своихъ согражданъ, получающихъ его долю.

И вмѣсто благодарности — у него эти продукты отнимаютъ, запугивая его и лишая его возможности провезти что-либо въ слѣдующій разъ . . .

Самая большая опасность: Россію погубятъ не подлецы, предатели и шпіоны, а именно ретивые дураки.

ТРАКТАТЪ О ЖАРЕНОМЪ ПОРОСЕНКѢ.

(Переводъ съ англійскаго).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

«Трактатъ о жареномъ поросенкѣ» принадлежитъ перу англійскаго писателя Чарльза Лэма (Charles Lamb, 1775—1834); его появленіе передъ публикой (въ «The London Magazine») относится къ 1823 году. Въ русскомъ переводѣ, насколько намъ извѣстно, его нѣтъ и не было; объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что раньше не существовало столь настоятельной душевной потребности найти общность духовнаго облика русскаго и англійскаго гражданина, какъ въ данный моментъ, когда оба они призваны защищать, плечомъ къ плечу, основы права и цивилизаціи.

Для насъ, какъ и для большинства русской публики, эта общность не представляетъ въ данный моментъ ровно никакого сомнѣнія; но едва ли многіе изъ русскихъ читателей отдадутъ себѣ ясный отчетъ, насколько глубока и, главное, стара эта самая общность, то единство вкусовъ и переживаній, которое одно можетъ спаять въ единое цѣлое двѣ величайшихъ націи.

«Трактатъ о жареномъ поросенкѣ», написанный англичаниномъ около вѣка тому назадъ, является, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ документовъ въ данной области.

ТРАКТАТЪ О ЖАРЕНОМЪ ПОРОСЕНКѢ.

Челоуѣчество, какъ утверждаетъ китайскій манускриптъ, поглощало мясо сырымъ въ теченіе семидесяти тысячъ лѣтъ, сдирая его зубами или когтями съ трепещущаго животнаго, какъ это дѣлается въ Абиссиніи и до сихъ поръ. Упомянутое объ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ у великаго Конфуція, во второй главѣ его «Мировыхъ теченій», гдѣ онъ нарекаетъ своего рода золотой вѣкъ именемъ Ху-Фангъ, т. е. «праздникомъ кухни».

Манускриптъ, далѣе, учитъ, что искусство жарить —

вѣрнѣ жарить на вертелѣ, что я считаю первой ступеню — было случайно открыто слѣдующимъ образомъ.

Свинопасъ Хо-ти отправился въ лѣсъ за желудями, оставивъ, какъ всегда, домъ на попеченіе старшаго сына Бо-бо, балбеса-мальчишки, большою любителя побаловаться съ огнемъ. Нѣсколькимъ искрамъ удалось попасть въ связку соломы, и скоро отъ всего домишки остался одинъ пепель. Но самое важное было то (вѣдь домъ можно было отстроить за одинъ, два часа), что заодно съ нимъ погибло цѣлое семейство новорожденныхъ поросятъ, числомъ не менѣе девяти — китайскихъ поросятъ, считавшихся роскошью по всему востоку со временъ лѣтописи.

Пока Бо-бо, не зная, что онъ скажетъ отцу, ломалъ руки надъ дымящимися останками безвременныхъ страдальцевъ, его ноздрей коснулся совершенно невѣдомый имъ досель запахъ.

Откуда онъ шелъ? — не отъ сгорѣвшаго же домишки, разумѣется, случай съ которымъ былъ далеко не первымъ въ практикѣ юнаго поджигателя. Еще менѣе онъ напоминалъ ароматъ какого-нибудь знакомаго цвѣтка или растенія...

Въ то же самое время нижняя губа Бо-бо ощутила хорошо знакомую влагу. Онъ не зналъ, что ему подумать.

Случайно онъ наклонился надъ поросенкомъ, потрогалъ: не осталось ли въ немъ признаковъ жизни; обжегъ пальцы и, быстро ихъ отдернувъ, сунулъ, по привычкѣ, въ ротъ. вмѣстѣ съ пальцами туда попало немного прожаренной поросячей кожицы, и... въ первый разъ въ его жизни — въ человѣческой жизни онъ почувствовалъ ея хрустъ.

Онъ снова потрогалъ поросенка и хотя уже значительно меньше обжегъ пальцы, но снова ихъ потянулъ въ ротъ, какъ бы по привычкѣ. Истина понемногу проникла въ его вялый мозгъ: это былъ запахъ поросенка, это былъ его дивный вкусъ, и, весь отдавшись наслажденію, онъ принялся рвать запеченную кожицу по звѣриному, вмѣстѣ съ мясомъ, пригоршнями запихивая его въ ротъ, глухой ко всему, вплоть до появленія среди дымящихся развалинъ, вооруженнаго карательной палкой родителя, который, осмотрѣвшись, сталъ осыпать ударами плечи юнаго негодяя, оказавшіяся столь мало чувствительными, какъ если бы надъ ними вмѣсто палки порхала муха. Щекочущее наслажденіе, какое онъ испытывалъ въ своей нижней области, дѣлало его совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ неудобствамъ такой отдаленной окраины.

Отецъ могъ дубасить его сколько угодно, но онъ былъ не въ силахъ отшибить Бо-бо прочь отъ его поросенка пока, наконецъ, самъ Бо-бо не поставилъ надъ нимъ точку; послѣ чего онъ отчасти вернулся къ сознанію своего положенія, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Что ты тутъ лопаешь, безпутный ты щенокъ. Мало тебѣ, что ты со своими проклятыми штукаами спалилъ домъ, ты еще жрешь огонь, или я не знаю что?

— Поросенокъ, отецъ... поросенокъ... Иди скорѣй, попробуй, какъ чуденъ сгорѣвшій поросенокъ!

Въ ушахъ Хо-ти зазвенѣло отъ ужаса. Онъ проклялъ сына и проклялъ себя, породившаго дитя, способное съѣсть спаленнаго поросенка.

Бо-бо, обоняніе котораго дивнымъ образомъ обострилось съ этого утра, почуялъ вдругъ присутствіе и второго поросенка; раздравъ его надвое, онъ силой сунулъ въ дрожавшія руки Хо-ти половину поменьше, продолжая кричать:

— О, ѣшь же, отецъ, ѣшь горѣлаго поросенка!.. О, только попробуй, Боже мой, милосердный... — и въ то же время запихивалъ себѣ въ ротъ все новыя порціи.

Хо-ти задрожалъ съ головы до ногъ отъ прикосновенія гнусности, не зная — не убить ли ему на мѣстѣ сына-выродка, но въ это время корочка ожгла его пальцы и сунувъ ихъ въ ротъ, онъ поневолѣ отдалъ ея вкусъ, показавшійся ему, несмотря на состроенную имъ гримасу далеко не неприятнымъ.

Въ результатѣ и отецъ и сынъ, оба принялись за пирушку, прекратить которую имъ удалось только когда они покончили со всѣми поросятами.

Бо-бо всячески старался не выдать секрета сосѣдямъ, которые, навѣрное, бы побили камнями этихъ двухъ нечестивцевъ, осмѣлившихся внести свое усовершенствованіе въ лучшее изъ созданий божьихъ; и однако странные слухи пошли кругомъ. Стали замѣчать, что домишко Хо-ти горѣлъ все чаще и чаще; то онъ горѣлъ днемъ, то ночью. Стоило только опороситься его свиньѣ, какъ весь его домъ охватывало пламенемъ; но самое замѣчательное при этомъ было то, что Хо-ти не только не наказывалъ озорника сына, но становился къ нему все болѣе и болѣе снисходительнымъ. Наконецъ ихъ накрыли; ужасная тайна была обнаружена, и отца съ сыномъ немедленно представили на судъ въ Пекинъ, тогда еще небольшой городъ.

Были даны свидѣтельскія показанія и почти уже произнесенъ приговоръ, когда предсѣдатель суда попросилъ показать ему поближе ящикъ съ останками сгорѣвшаго поросенка, фигурировавшими въ качествѣ вещественнаго доказательства. Остальные судьи выразили аналогичное желаніе. Неосторожно дотронувшись, они обожгли пальцы и, примѣнивъ инстинктивно для утоленія боли то же средство, что нѣкогда Хо-ти и сынъ, они вынесли, вопреки всѣмъ фактамъ, и несмотря на самое убѣдительное изъ обвиненій, къ удивленію и соблазну всего суда, народа, иностранцевъ и репортеровъ — они вынесли, не выпуская изъ рукъ ящика, единогласно рѣшеніе: нѣтъ, не виновенъ.

Прокуроръ, который былъ тонкой бестіей, промолчалъ на это явное нарушеніе закона, но когда судъ кончился, пошелъ и частнымъ образомъ скупилъ всѣхъ поросятъ, какіе онъ могъ только достать за всѣ блага міра. Нѣсколькими днями позже его домъ оказался объятъмъ пламенемъ. Бѣдствіе распространилось скоро по всѣмъ направлениямъ, то тутъ, то тамъ, пылали пожары. Цѣны на поросятъ и топливо вздулись до необычайныхъ размѣровъ; страховыя общества одно за другимъ закрыли свои конторы; новыя постройки дѣлались съ каждымъ днемъ все легче и легче, такъ что появилась опасность полнаго уничтоженія всякой архитектуры.

Такъ продолжалось, пока съ теченіемъ времени не появился мудрецъ (въ родѣ нашего Локка), который открылъ, что мясо свиньи, а равно и всякаго иного животнаго можетъ быть приготовлено — «сожжено», какъ тогда говорили — и безъ уничтоженія въ огнѣ цѣлаго дома. И тогда-то и появилась первая грубая форма кухонной желѣзной рѣшетки.

Жаренье при помощи вертела или бечевки появилось вѣкомъ или двумя позже, я уже не помню, при какой династии.

Такими медленными шагами, — заканчиваетъ манускриптъ, — распространилось среди человѣчества самое полезное и понятное изъ всѣхъ искусствъ.

Не придавая всему вышеизложенному абсолютнаго значенія неопровержимаго историческаго документа, мы, однако, должны признать, что если есть вѣскій доводъ въ защиту столь опаснаго эксперимента въ области кулинаріи, какъ поджогъ дома, то онъ можетъ быть приведенъ только въ пользу жаренаго поросенка. Среди всѣхъ явствъ міра я считаю его самымъ избраннымъ.

Я говорю не о тѣхъ великовозрастныхъ младенцахъ, о тѣхъ подросткахъ, среднихъ между свиньей и поросенкомъ; я говорю о нѣжномъ молочномъ малюткѣ, не болѣе одного мѣсяца отъ роду, еще не запятнанномъ средой хлѣва, чей неокрѣпшій голосокъ еще колеблется между визгомъ и урчаніемъ, кроткимъ предвѣстникомъ, прелюдией хрюканья.

Онъ долженъ быть зажаренъ.

Мнѣ не безызвѣстно, что наши предки ѣли поросятъ вареными, но какая потеря нарушенныхъ крововъ!

Нѣтъ ничего подобнаго вкусу

Рис. Д. Митрохина.

хрустящей, румяной, хорошо выдержанной корочки, когда ваши зубы сами тянутся къ ней, чтобы преодолѣть ея стыдливое, хрупкое сопротивление; корочки съ приставшимъ къ ней... о, не называйте это жиромъ! — нѣжнымъ цвѣтеньемъ жира, собраннымъ еще въ почкѣ, въ бутонѣ, въ ранней невинности — сливки и квинтъ-эссенція еще непорочной пищи поросенка-дитяти, не жиръ и не мясо, а родъ животной манны, или, скорѣе и то другое, слитое въ единое гармоничное цѣлое, въ одну амброзію.

Взгляните на него, пока онъ жарится; по его спокойствію можно подумать, что кругомъ не палящій жаръ, а животворная теплота. Какъ ровно онъ поворачивается... Но вотъ онъ готовъ. Обратите вниманіе на крайнюю чувствительность его нѣжнаго возраста, на эти глазки, заплаканные падающими звѣздочками сверкающаго желе.

Посмотрите на него на блюдѣ — этой второй его колыбели: какая кротость! — Сохранился ли бы этотъ невинный обликъ предъ лицомъ огрубѣнья и невѣжества, увя, слишкомъ часто сопровождающихъ зрѣлое свинство? Десять противъ одного, что онъ сталь бы обжорой и неряхой, упрямымъ, непріятнымъ животнымъ грязнаго времяпрепровожденія. Отчего онъ теперь такъ счастливо избавленъ:

«Его души еще не запятнали
Уста порока и печали...»

Его память благоухаетъ; надъ ней не повиснетъ проклятье простолоудина съ трудомъ прожевывающаго кусокъ жесткой свинины; его мяса не замѣшаютъ въ дымящуюся соисску. Его пышной гробницей будутъ благодарныя нѣдра просвѣтленнаго эпикурейца; а ради такой кончины стоило умереть!...

* * *

Наши предки были весьма прихотливы въ изысканіи методовъ принесенія въ жертву этого деликатнаго животнаго. Среди другихъ отжившихъ приемовъ мы съ возмущеніемъ узнаемъ о захлестываніи поросятъ до смерти. Времена бичеваній миновали, иначе было бы не безынтересно изслѣдовать, съ чисто философской точки зрѣнія, конечно, поскольку вышеописанный процессъ можетъ содѣйствовать смягченію и услащенію столь и безъ того деликатной и сладкой субстанции, какъ мясо молодого поросенка. Это напоминаетъ культуру фіалки.

Во всякомъ случаѣ мы должны быть очень осторожны, чтобы, порицая безчеловѣчность, не нанести ущерба практическимъ цѣнностямъ. Возможно, что это сообщаетъ вкусъ...

Я вспоминаю одно положеніе, которое съ большимъ увлеченіемъ дебатировалось среди молодыхъ студентовъ, когда я учился въ Сентъ-Омерѣ:

«Если допустить, что смерть поросенка черезъ бичеваніе (per flagellationem extremam) прибавляетъ къ удовольствію, испытываемому нѣбомъ человѣка отъ его мяса болѣе, чѣмъ отъ примѣненія къ животному какого-либо иного вида страданія, то можно ли оправдать человѣка, подвергающаго животное именно этому роду казни?»

Я уже позабылъ рѣшеніе.

Теперь, относительно приправы къ поросенку: немного хлѣбнаго мякиша вмѣстѣ съ его печенью и мозгами, и чуть-чуть шалфея. Но, умоляю васъ, гоните все луковичное, господа кухарки. Жарьте, какъ вамъ угодно взрослыхъ свиней, купайте ихъ въ лукѣ, пичкайте ихъ цѣлыми плантациями крѣпкаго, жесткаго чесноку — вы не сможете ни отравить ихъ, ни сдѣлать жестче, чѣмъ онѣ есть отъ природы. Но пощадите его вѣдь онъ еще крошка, еще — цвѣтокъ!..

Перевелъ Георгій Ландау.

ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

Барометръ падаетъ, и буря
Изъ тучъ соткала темный зонтъ —
Два стража вѣрные, дежуря,
Слѣдятъ, какъ меркнетъ горизонтъ.
— Вотъ-съ... дождались, — качая чрево
Сказалъ одинъ, дрожа, какъ листъ. —
— И тучи ясно лѣзутъ слѣва,
А вы преступный дальтониистъ...
— Вы близоруки-съ — тучи справа...
— Нѣтъ слѣва!.. — Справа, сударь мой!..

Толпа жъ, какъ дикая орава,
Кричитъ одно: «Долой... до-о-лой!..»
Принять бы мѣры противъ гнѣва
Тучъ, потемнѣвшихъ отъ обидъ,
Да правый тучи видитъ слѣва
И тучи справа лѣвый зреть!..
Гдѣ жъ тучи? спроситъ мой читатель,
Гдѣ ближе путь открыть бѣдѣ?
Открою, видитъ самъ Создатель,
Что тучи всюду и вездѣ —
Вся жъ сущность спора, если здраво
Смотрѣть на точный смыслъ вещей,
Въ томъ, что одинъ смотрѣлъ лишь вправо,
Другой — лишь влѣво, лиходѣй!

Сергій Михѣевъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“

А. Петроградъ.

Le. Ca. — Авторъ, обращаясь къ неизвѣстному собесѣднику, спрашиваетъ его стихотворнымъ манеромъ:

„Ты видишь этотъ шрамъ на лбу?
Святой то шрамъ; то — революціи слѣды“.

Вишь-ты... Еще и Богу не молились, какъ слѣдуетъ, а уже лобъ разбили...

Стихи лохматы, какъ борода алкоголика, и неуклюжи, какъ подрядчикъ во фракѣ.

Вотъ-онъ-то-ту. — Этотъ мужчина по мѣрѣ силъ старается наступать слабое мѣсто редактора:

— „Эти стихи, г. редакторъ, я посвящаю Зиночкѣ Б. Если вы когда-нибудь любили — вы ихъ напечатаете“...

Да, я любилъ, мой милый другъ. Но я любилъ все, кромѣ безграмотныхъ стиховъ. И поэтому ваши стихи не увидятъ свѣта. Тьма ихъ удѣлъ.

Алейнику. М. — Вотъ еще человѣкъ, который не прочь обдѣлать свои амурныя дѣлишки при помощи нашего журнала:

„Ты придешь вѣдь ко мнѣ поболтать вечерокъ
И приласкать меня своими руками — крошками
И будешь сидѣть, пока заалѣетъ востокъ.
Приходи своими маленькими ножками“.

Все указано... Даже — чѣмъ дѣвушка должна придти: маленькими ножками.

А большими ногами придетъ — глядишь, ужъ и не то.

Л. А. (Спасск. у.) Л. А. — Подлинно дѣловая душа — пишетъ: — „Такъ какъ теперь рубль упалъ, то я хочу за строчку разсказа не меньше полтинника“...

Но такъ какъ теперь и полтинникъ упалъ, то вы могли бы взять четвертакъ. Но ужасъ въ томъ, что и четвертакъ упалъ.

Такъ что вы ничего не получите.

Иръ Смѣл-нскою. — Только первыя двѣ строки:

„Однажды Лидинъ подошелъ къ Вѣрѣ и, наклонивъ къ ней ухо (!?), шепнулъ: „люблю!“...“

Ухомъ-то?! Вотъ что любовь дѣлаетъ. До скорого.

Ave.

Б. Провинція.

Вологда. Квартъ. При чемъ здѣсь мы?

„Я сытъ, обутъ, одѣтъ,
Лишь женщинъ не имѣю“...

Не по адресу обращаетесь. Мы этимъ не занимаемся.

Кокандъ. Гражданину, который пишетъ:

„Беру перо я руки
И сажусь писать стишекъ
Рука дрожитъ, принимая муки,
И въ душѣ стучитъ молотокъ“.

Слава Богу, что еще гдѣ-то стучитъ молотокъ въ Россіи. Жаль, что ваша душа не работаетъ на оборону.

Москва. Л. — Если задача лирическаго стихотворенія заставить читателя призадуматься, то вы блестяще выполнили ее:

„Онъ былъ великимъ человѣкомъ
Творцомъ недюжиннымъ перамъ“.

Перамъ — это звучитъ гордо. Жаль, что у насъ нѣтъ специального отдѣла тунгусской поэзіи. Тогда бы охотно помѣстили.

Рязань. Карпу С. — Почему васъ интересуетъ вопросъ, сколько сотрудниковъ у „Сатирикона“? Если вы думаете, что разгрузка Петрограда началась изъ-за насъ — ошибаетесь.

Псковъ. Хорьку. — Такая характеристика не точна: „Онъ смотрѣлъ на ея ноги и думалъ: какая богатая женщина“. Такую роскошь, какъ ноги, позволяютъ себѣ даже женщины, лишеныя всякихъ средствъ къ существованію.

Омскъ. Геркулесу. — Геркулесъ пишетъ: „Примите меня въ число своихъ сотрудниковъ! Я хочу умѣть дѣлать деньги!“

Нехорошо, Геркулесъ, подозрѣвать насъ въ такой профессіи. Тѣмъ болѣе безъ доказательствъ.

Арк. Б.

Редакторы: { А. Т. Аверченко.
Арк. Буховъ.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги: Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.
Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —

Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальные выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятіе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія.

Цѣна каждого выпуска — 20 коп. — Книготорговцамъ — скидка обычная.

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ: А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера.

Осиховый колъ на могилу зелеаго змія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Желая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ).

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Письмовникъ „Новаго Сатирикона“.

(Съ приложеніемъ самоучителя танцевъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Физиологія и анатомія человѣка.

(Съ приложеніемъ психологіи человѣка.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Всеобщая исторія, обраб. сатирикохцами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вѣстникъ знанія „Новаго Сатирикона“.

(Оккультныя науки. Энциклопедическій словарь. Хрестоматія для дѣточекъ.)

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вышла новая книга:

Бор. Мирскій.

„КРАСНЫЙ РЕПЕЙНИКЪ“.

(Памфлеты революц. дней.)

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

Арк. Бухова.

„ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“.

5-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

ЗАШИЩАЙТЕ РЕВОЛЮЦІЮ.

Рис. Ре-ми

Пока они разговаривают...

5X1901